

Евгений Пазухин

С А М О П О З Н А И Е

О том, что было сделано в России за два предшествующих десятилетия для восстановления разорванного Завета с Богом, я и хотел бы сейчас поговорить. В зарубежной, главным образом, в русско-эмигрантской публицистике и социологии в последние годы очень много писали о радикальных изменениях в религиозной жизни в ССР, о наступившем в нем "религиозном ремессамсе". Причем, "ремессамс" этот изображался, как процесс, охвативший огромные массы людей, проникший во все слои населения. Так что то, что я сейчас скажу, отчасти, будет реакцией на это, на мой взгляд, далеко не объективное освещение происходящего.

Когда речь заходит о некоем процессе, в частности, о процессе в религиозной жизни, то уместно вспомнить о том, что дерево удается по плоду. Если понимать под процессом некое широкое социальное движение, а именно к такому пониманию религиозной ситуации в России и склоняются многие публицисты на западе, то можно сказать, что п о л о ж и т е л и и г и и з и и г и е результатом не дал. То есть, я не хочу сказать, что он не дал вообще никакого результата и тем более я не хочу сказать, что его результат был отрицательным. Но не надо все оценивать совершенно однозначно! Положительные плоды, как это ни парадоксально, могут проявить себя и в отрицательной форме. Но об этих собственно религиозных плодах я скажу несколько позднее. Сейчас же я хочу осветить чисто социальный аспект этой проблемы. Прежде всего: кто являются действующими лицами этого процесса?

Конечно, каждый может говорить только о том, что он знает. По этой причине, я ни в коем случае не берусь говорить от имени, скажем, России в целом. Я говорю как частное лицо, участвовавшее в достаточно локальной ситуации. Я говорю об определенном процессе, который протекал в

среде определенной части молодой русской интеллигенции: творческой, гуманитарной и, в какой-то степени, научной и технической. Естественно, социальное явление и подчинено определенным социальным закономерностям. В данном случае закономерностям, характерным для России и, в значительной степени – русской национальной психологии. Как ни странно, зачастую, психология оказывается гораздо сильнее всех других моментов и в каком-то смысле может, говоря метафорически, оказаться "выше идеализма и материализма". Свою мысль я хочу проиллюстрировать цитатой из "Зимних заметок о летних впечатлениях" Ф. Достоевского: "Сидим мы, например, все без дела, и вдруг нам покажется, что кто-то что-то сказал, что-то сделал, что у нас собственным духом запахло, что дело нашлось, вот мы так все и накинемся и непременно уверены, что сейчас начинается. Муха пролетит, а мы уж думаем, что самого слона провели. Неопытность юности, ну и голодуха к тому же... нашли дело и вижим от восторга. Увижаться и провраться от восторга – это у нас самое первое дело; смотришь, года через два и расходимся врозь, повесив носы. И ведь не устаем, хоть еще сто раз начинай. ... Нельзя версты пройти, так пройди только сто шагов, все же ближе к цели, если к цели идешь. И если хочешь непременно одним шагом до цели дойти, то это... вовсе не ум. Это даже называется белоручничеством."

Мне кажется, что с помощью этой модели можно многое объяснить в том процессе, который получило название "религиозного ренессанса". Действительно, получается довольно любопытная картина: все слышали, все говорили и никто не видел. Мы слышали о массовом притоке в церковь, мы говорили об очень широкомасштабном религиозном движении. Но когда мы начинаем сопоставлять информацию "тамиздата" (эмигрантской прессы) о том, что мы ездим на поклонение святыням, мы занимаемся постижением православного вероучения, мы создаем новую религиозную культуру, с тем, что происходит на деле, то обнаруживаем, что за этим "мы" кроются, буквальном смысле, единицы, самое большое, – десятки человек. А когда пишут о глобальной охваченности этим процес-

сом России, то становится просто непонятно: откуда что берется? Это, по-моему, очень хорошо иллюстрирует приведенное мною рассуждение Ф. Достоевского. По этому поводу можно вспомнить также ту оценку, которую дал психолог русского человека А. Пушкин: "У нас нет зрелости, после юности мы либо гнием, либо сохнем". Действительно, есть начала, есть концы, а вот середина как-будто выпадает. Все наши социальные процессы, в ряду которых я рассматриваю и тот, о котором сейчас идет речь, схематически могут быть изображены в виде некоей синусоиды, которая идет, пересекая ось, снизу вверх, затем снова сверху вниз и т.д. Причем, у каждого из этих изломов очень острое навершие и очень острыя нижняя часть, а никакого движения вдоль оси, по сути дела, нет (т.е., все отрезки этой синусоиды, практически, сливаются в одну вертикальную линию). Есть только бесконечное движение между двумя полярными состояниями и начинает казаться, что именно в этом-то движении и цель, что оно самодостаточно. Поэтому у нас очень любят "начинать", потом очень быстро "опускают носы" и чрезвычайно интенсивно занимаются самооплыванием. Последнее тоже имеет вполне определенный психологический подтекст: мы себя сейчас как следует унижим, а потом с этого уровня нам удобнее будет выходить на новую кривую "возрождения".

Что же касается самого этого термина, то он в о-з-родился (т.к. до этого его относили к религиозному процессу, протекавшему в России в начале века), конечно, не без ориентации на "внешний рынок". Я не знаю, кто первый произнес это слово, но оно, на мой взгляд, проделало довольно сложную миграцию. Возможно, возникнув где-то в наших кружках, оно было быстро подхвачено эмигрантской средой, затем буквально заполонило западную социологию и вернулось к нам в совершенно определенном социально-политическом ореоле. Но парадокс состоит в том, что именно никакой социальной реализации религиозные искания русской интеллигентии 60-х-70-х гг. не обрели. О религиозном "возрождении" в том смысле, в котором об этом часто пишут на западе, можно будет говорить только тогда, когда в России возникнет большое количество стабилизованных православных об-

щин, а пока их нет, у нас нет и никаких оснований давать столь громкое наименование происходящему. Более того, следует признать, что т.н. "религиозное возрождение" - это, в значительной степени, продукт той общественной ситуации, которая сложилась в России к 60-м годам, т.е. в период "хрущевской оттепели". Обратное воздействие можно наблюдать, пожалуй, только в сфере художественного творчества. Этот "бумеранг" сработал именно воздействуя на многих художников. И в отношении религиозного искусства у нас, пожалуй, есть определенные сдвиги. Но в оценке их нужно тоже быть очень осторожным. Возьмем для сравнения "религиозный ренессанс" начала века. Он, будучи, в каком-то смысле, - действительно религиозным, в большей мере был религиозно-философским и в очень значительной степени проявился в сфере художественного творчества. Философская и даже богословская мысль в это время была направлена, в основном, на искусство. Но выросшее в этой атмосфере напряженной заинтересованности "религиозное искусство" несло в себе не только позитивные, но и негативные потенции (в данном случае я имею в виду только религиозную сторону этого явления). Еще в прошлом веке В. Соловьев писал о теургическом значении искусства. Но, как показала дальнейшая история нашей культуры, от теургизма очень нетрудно перекинуть мостик к самообожествлению, а от него - к демонизму. Благодать, принятая творцом без смирения, с железной закономерностью ведет к бунту против Творца. Это очень отчетливо проявилось в рамках "религиозного ренессанса" 70-х годов. И как раз судьба художественного творчества, существующего в ореоле этого явления, представляет собой один из наиболее показательных и, может быть, наиболее тревожных моментов, демонстрирующих те скрытые негативные потенции, которые (естественно, наряду с позитивными) заключает в себе этот процесс. Ведь зачастую, очень постепенно и незаметно "религиозное искусство" делает своим главным объектом собственных творцов.

Вообще, "учительная" роль искусства в России во все времена была необычайно велика. И связано это, в значительной мере, с широко известной пассивностью русского право-

славного клира. Православная иерархия почти никогда не пыталась коррелировать свои действия с исторической реальностью и вносила изменения в церковную жизнь только под воздействием каких-либо катастрофических исторических ломок. Внутрицерковная инициатива всегда была только реакцией на внешние изменения глобально-социального характера. А если принять во внимание то, что как социальное явление "русский религиозный ренессанс" 70-х годов никак себя не реализовал, то никакого стимула для какого бы то ни было движения иерархия не получила. Можно сказать даже, что русская церковная иерархия "религиозный ренессанс" проспала. Может быть, она слегка и пошевелилась, но исключительно для того, чтобы отогнать назойливых интеллигентов, буквально как мух, мешающих ей пребывать в ее привычном состоянии. Достаточно вспомнить "разгоны" в Ленинграде религиозного семинара и молодежного церковного хора, которые были осуществлены иерархией, к сожалению, отнюдь не только под внешним давлением. Дело в том, что ей самой в высшей степени не выгодно иметь активный и интеллигентный церковный контингент. Это принудило бы ее самое выйти из многовековой спячки. А даже только такая мысль воспринимается нашим клиром, как чудовищная ересь. Взаимоотношения с миром, которые более всего устраивают русский православный клир, можно было бы приблизительно определить как "казенно-литургические". И, естественно, никакого желания войти в сколько-нибудь плодотворный творческий контакт с "новой православной интеллигенцией" у нашей иерархии не было, за очень, может быть, немногими исключениями.

Теперь несколько слов о другом персонаже этого процесса: "новой православной интеллигенции". Это, в значительной степени, продукт того сумбура и неразберихи, который царил в религиозной жизни России 60-х - 70-х годов. Правда, два эти десятилетия не прошли даром, и сейчас в самосознании этой части нашего церковного общества обнаруживается значительно больше, чем раньше, четкости и устойчивости. В этой среде - люди самой разной религиозной ориентации (естественно, в рамках одной конфессии). Ведь православие, и русское православие в том числе, отнюдь не

однослойное и не однозначное явление - оно имеет очень много слоев и уровней. У каждого может быть свой проект и своя модель; и, в общем-то, в этом нет ничего плохого. Но беда в том, что люди эти почти полностью изолированы друг от друга, почти ничего друг о друге не знают и, конечно, никакой реальной социальной силы собою не представляют. И, пожалуй, наиболее восприимчивой к исходящим от них импульсам является та же самая, упомянутая выше, художественная интеллигенция, люди искусства. Это, кстати, проявилось и на нашей конференции. Ряд докладов заканчивался декларациями религиозного характера. Причем, люди, произносившие их, как правило, христианство (условно говоря) "не практикуют". Они от него на деле достаточно далеки, но именно поэтому их к нему (чисто теоретически) и влечет. Может быть, это тоже происходит в силу специфики нашей психологии: мы всегда влечемся к тому, чего мы не делаем. Тут вспоминается одна статья, в которой утверждается, что "дух" состоит в том, чтобы от одного объяснения все время переходить к другому, и в этом переходе как раз и содержится качество "духовности". Так вот, я думаю, что качество "русской духовности" как раз в том и выражается, - что человек постоянно находится в состоянии перехода, точнее, даже перебегания от одной ценности к другой. И лучше всего он относится к ценностям, которые в данный момент от него максимально удалены. Поэтому пишет перед церковью, при полном незнании ее, довольно распространено среди нашей творческой интеллигенции.

Ну а теперь вернемся к нашему исходному вопросу: как оценить результаты "религиозного ренессанса" с религиозной точки зрения? Именно здесь и обнаруживается парадокс, о котором я говорил вначале: чисто религиозный результат - близок к "0", но это как раз и является несомненным свидетельством прогрессивности данного процесса. Ибо он не статичен, он именно движется - к "0" от отрицательной величины. В 60-е годы мы, как это вообще свойственно для России, начали с того, чем обычно заканчивают, т.е. мы сразу объявили, что переживаем тотальное "возрождение". Ну, о том, что у нас масса людей сразу записали себя в

подвижники, пророки, святые, — это все очень хорошо знают. И вот теперь, в результате этого процесса, который, повторяю, был все-таки позитивным, мы начинаем приходить к вполне определенному сознанию своей религиозной несостоятельности. И это очень хорошо! Это означает, что в два прошедшие десятилетия в нашей духовной жизни совершился вполне закономерный, необходимый и чрезвычайно плодотворный процесс самопознания. Процесс этот и привел нас к единственному истоку правильного религиозного пути. А о том, как он должен начинаться, все мы прекрасно знаем из Писания: "начало Премудрости — страх Господен", затем — покаяние, через это — преображение души, и, наконец, — жизнь во Христе. Вот та модель, которая является единственной для христианина. То же, что происходило до сих пор, этой модели абсолютно не соответствует. А ведь неправильное вхождение в христианство, зачастую, вело не к "религиозному возрождению", а к самому настоящему человеческому вырождению, о чем мы можем говорить с полным правом, потому что мы это видели. Я, во всяком случае, видел этот процесс с момента его возникновения, ибо первые представители послевоенного поколения стали приходить в церковь еще на рубеже 50-х — 60-х годов. И при неправильном "прихождении", при наличии гордыни, при том, что человек принимал искус, не имея никакого представления о подлинной аскетической жизни, он иногда терпел полное крушение религиозное и моральное. Перед моими глазами — достаточно примеров абсолютной деградации личности. Вот, собственно говоря, обратная сторона так называемого "религиозного возрождения". Хотя, конечно, были случаи и подлинного подвижничества, исповедничества и даже мученичества за веру. Но, интересно, в какие эпохи истории христианства их не было?! Надо еще заметить, что когда мы говорим о недостатках, то не должны винить в них исключительно себя. Ведь большинство из нас было оставлено без всякого попечения со стороны церковной иерархии. И в этом смысле вина за многие негативные явления ложится не только на мир, но и на клир, для которого мы были не сынами церкви, а, часто, просто выкидышами.

Теперь же, "познав самих себя", мы должны положить "правильное основание" нашей христианской жизни, которое, как все мы знаем, "есть Христос". Мы должны научиться вкушать "молоко" христианского учения и добиться хотя бы того, чтобы "ради нас имя Божие не хулилось у язычников" /Рим.2,24/. Это то, что относится к "новой православной интеллигенции". Относительно же клира, я считаю, что, в конце концов, он должен не на словах, а на деле признать нас полноправными членами Церкви и уж, во всяком случае, не затачивать снова в ту яму, из которой мы только что выкарабкались. А для этого ему надо отряхнуть с себя векови^швой сон и найти в себе энергию для вступления совместно с церковной интеллигенцией на путь, намеченный в этих строчках из книги Н.Афанасьева: "Церковь Духа Святого": "Очередная задача, которую ставит наше время, заключается в том, чтобы отдалить в нашей жизни отжившие эмпирические факторы от церковных, а тем самым открыть жизнь Церкви воздействию новых эмпирических факторов и возродить исторический момент в церкви. Без решения этой задачи невозможно подлинное возрождение церковной жизни".

Может быть, мое утверждение покажется излишне радикальным, но если мы, т.е. Церковь, представляющая неразделимое единство клира и мира, не приступим к решению этой задачи сейчас в преддверии 1000-летия Крещения Руси, то этим историческим периодом существование русской православной церкви может и ограничиться.

=====